

ОБРАЗ ИСКУШАЮЩЕГОСЯ МОНАХА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. НИКОЛАЕВОЙ И М. КУЧЕРСКОЙ)

Аннотация: В данной статье рассматривается образ монаха в текстах современных православных авторов О. Николаевой и М. Кучерской. Основываясь на мнениях, имеющихся в Церкви, на литературоведческих исследованиях, приходим к выводу, что за последние два десятилетия возобновился интерес к теме жизни православных священнослужителей, в итоге их можно отнести условно к трём типам (праведник, отрицательный герой, промежуточный тип – герой искушающийся, стоящий перед выбором). Герои О. Николаевой, М. Кучерской в похожих обстоятельствах ведут себя по-разному, что, будучи обусловлено религиозным мировосприятием авторов, и определяет жизненный итог каждого из них. Цель данного исследования – выявить, каким образом репрезентируется образ искушающегося монаха в текстах современной художественной литературы.

Ключевые слова: литература, образ монаха, искушение, падение, духовная борьба, покаяние, Майя Кучерская, Олеся Николаева.

Цитирование: Молдагалиев А. Н. Образ искушающегося монаха в современной литературе (на примере произведений О. Николаевой и М. Кучерской) / А. Н. Молдагалиев // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 231–239.

Сведения об авторе: Молдагалиев Арсений Нурланович – студент 4 курса бакалавриата Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: amoldagaliev1007@gmail.com

Сведения о научном руководителе: Щербакова Евгения Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии. (Россия, Оренбург). E-mail: galereya-k@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.04.2023

Принята к публикации 28.04.2023

В современной литературе, как и в кинематографе, стали не редкостью произведения, в которых духовенство предстаёт не как добродетельный образ. Появляется тип искушающегося священнослужителя.

Так, в изданной в 2007 году дебютной книге М. Кучерской «Бог дожда» герой иеромонах Антоний, полюбивший прихожанку, отходит от духовной жизни, покидает монастырь и живёт семейной жизнью. С. Шишкова-Шипунова в своей статье «Возвращение „батюшек“» отмечает, что, несмотря на то, что в книге Майи Кучерской нередко непонятны мотивы поступков героев, не прояснён выбор ими Православия, этот автор пишет о поколении, чьё взросление пришлось на 1990-е гг., поколении, принимающем скоропалительные решения, мечущемся и зачастую увлекающемся религией как модой [7]. «С некоторых пор Майя Кучерская считается у нас едва ли не главным специалистом в делах церковных. Но, читая её, порой ловишь себя на мысли: а насколько сама она верующий человек? И что для неё церковь – храм или что-то вроде объекта „фольклорной экспедиции“, где можно „набрать материал“ для будущих писаний?» [7].

В связи с этим высказыванием интересно упомянуть опубликованную в 2018 году книгу рассказов С. Сенькина «Картонное небо», в идейном и духовном плане резко противопоставленную его же ранним текстам, просветлённым, утверждающим Православие. В этом произведении описываются бесчинства, творимые монахами, утверждается мысль о несовершенстве Церкви. И если предыдущая книга С. Сенькина «Афонские рассказы» – душеполезное чтение, продолжающее нравственную линию русской классики, то «Картонное небо» – произведение неоднозначное.

По поводу этого текста, отмечая искренность его автора, не принимающего лицемерие, священник Александр Шрамко пишет: «Я признаю, что кому-то нужна внешняя встряска,

обстоятельство, можно даже сказать красиво – откровение, чтобы „проснуться“, сдвинуться с места, начать путь. С уважением отношусь к такому варианту. Но как я сам двигаюсь по жизни только внутренними умозаключениями, а не потрясениями, ударами судьбы, обидами или даже счастливыми встрясками, то это же ценю и понимаю в других» [6].

Иная точка зрения у православной писательницы, публицистки О. Николаевой: «Если искусство говорит только об этом <правде о человеке> и только к этому его и сводит, то это – клевета, ложь» [5, с. 160]; автор, стремящийся в своём произведении к максимальной объективности, забывает, что главное в художественном тексте – процесс высвобождения эмоций, разрешения внутренних конфликтов и нравственного возвышения. Такие чувства, катарсис, испытывает читатель, познакомившийся с рассказом М. Кучерской «Химия „жду“» из сборника «Плач об уехавшей учительнице рисования и черчения», в котором показана трагическая история расстриги, бывшего иеродиакона Сергия. Уйдя из монастыря, потому что даже самые искренние его насельники – «слабые и грешные люди, способные и на подлость, и на предательство, и на любой человеческий грех» [1, с. 39], ставший снова Алексеем Константиновичем Юрасовым, герой женится на православной старой деве, радуется домашним борщам и пирогам, у него рождаются дети; но, встретив старую знакомую, бывшую паломницу-«сестрёнку», всё своё счастье он представляет в виде вновь обретённой любви.

Начинается рассказ с описания полумистического проникания в комнату газа, дымок которого – «тоска по ней» [1, с. 29], настолько страстная и безысходная, что герой, долго и мучительно ожидая, мечтает удушить, покалечить или убить возлюбленную. Время в произведении растянуто, неслучайно отсюда его сленговое название – «Химия „жду“»: поначалу встречаясь часто, Алексей и Она (имя героини в произведении не называется) впоследствии из-за её странного условия вынуждены

встречаться раз в год. Мать четверых детей, видящая в любовнике отдушину, счастье, по неизвестной причине не может развестись с мужем. А герой на протяжении очередного года ожидания ощущает непроходящую свинцовую тяжесть в груди. То, что это свинец, а не, к примеру, ртуть, он понимает, будучи медиком с высшим образованием, и такая материализация вещей символических – собственный приём автора. Лишь к концу произведения томящийся годами Алексей догадывается, что Она – матушка, жена священника. Так объясняется отсутствие у героини имени: автор не хочет до конца десакрализировать жену священника, поддавшуюся соблазну.

Расставаясь с Ней в последний раз, герой понимает, что больше встреч не будет. В дороге у него случается инфаркт. Чувствуя за рулём входящий в сердце стержень, бывший диакон осознаёт, что самыми счастливыми в его жизни были четыре года в монастыре, вспоминает своё крещение и чувствует, что через несколько минут будет свободным: «Голова запрокинулась, и снова он увидел: чаша, тепло, свет горит <...> И испытывал только радость, радость, несущую его дальше, выше» [1, с. 61].

В критической литературе продолжается полемика о творчестве М. Кучерской. Так, К. Анкудинов в «Литературной газете» пишет о живом, дивном мастерстве писательницы как не об удачном, а о полуудачном: «оно избыточно, чрезмерно для тех задач, которые автор поставил перед собой» [3]. Критик объясняет «избыточность» и «чрезмерность» литературного мастерства писательницы её стремлением соединить литературу высокую и массовую, стремлением парадоксальным способом сгладить острые углы, добавить «глянца» нашей «высокой литературе»: «не пристало рекламировать нам прогулки по Москве как способ исцеления от душевных кризисов (на то имеются „тренинговые тексты“)» [3]. Критик задаётся парадоксальным вопросом: «И от Диккенса с Гюго веет „глянцем“? – это так; но они были за рубежом» [3], приводя читателя к мысли, высказанной

представителем американской литературы потерянного поколения Ф. С. Фицджеральдом о том, что русские никогда не мечтают о земном счастье, но о чём-то высшем и потому желают страдать. В свою очередь отметим, что писательница стремится уверить читателя, что охватившая героя любовная страсть – истинное чувство, и потому его просветление перед смертью, осознание, что только в монастыре он был счастлив, воспринимается как парадокс.

Рассказ Майи Кучерской с повестью О. Николаевой «Кукс из рода Серафимов» в сюжетно-характерологическом плане роднят истории похожих персонажей – монахов-расстриг. Однако, в отличие от Алексея Юрасова, бывшего монаха Сергия, персонаж из повести О. Николаевой монах Самсон, решивший жениться под влиянием воспылавшей к нему страстью прихожанки Людмилы и ставший на сутки мирянином Геной, с помощью Божьего вразумления (иначе это объяснить нельзя, такова авторская логика), молитв игумена Авеля вновь возвращается в монастырь. Интересно, что настоятель Авель, стойкий духом человек, мечтающий помогать заключённым, появится в другом произведении писательницы – в романе «Меценат», но уже в качестве героя воспоминаний рассказчицы и монаха Александра Берга; он будет убит суеверным простецом, выходцем из детского дома.

Важно отметить, что композиция повести О. Николаевой многофигурная, и монах Самсон не является персонажем центральным – он предстаёт в ряду разноплановых персонажей. С. Бойко в своей монографии вслед за И. Роднянской и И. Шайтановым пишет о внелитературной функции всего творчества Олеси Николаевой: «Внелитературная функция книги для Николаевой не проблематизирована, она встроена в процесс рассказывания. Задача автора – поведать об удивительных свойствах Божия мира и Божия Промысла – равна задаче рассказать о мире и человеке. Так и было в истории большой литературы»

[4, с. 181]. Наряду с вечным онтологическим конфликтом (о смысле жития задумывается Серафим, своей безобразной внешностью напоминающий Квазимодо из романа В. Гюго, художник, человек мастеровитый, плотник и резчик по дереву, объясняющий своё уродство цепью грехов родителей) в повести видно и временное нарушение, и восстановление гармонии, как это происходит и с монахом Самсоном.

Пока у Самсона были красивые длинные волосы, чёрный подрясник, скуфья, он выглядел романтически притягательно для Людмилы, но, постригшись (так подспудно возникает аллюзия на библейского персонажа Самсона), нарядившись в футболку с изображением сцены из «Ну, погоди!», он становится для неё чужим человеком: «Но теперь, теперь... Когда он сам пришёл... В таком странном виде... Без волос, бороды, усов... Без подрясника, рясы... Клобука, развевающегося на ходу, пока они бродили по монастырским садам, поднимались по лестницам... Когда он в этих брючках, майке с зайцем «Ну погоди!»... Когда он и не Самсон даже, а какой-то там Гена...» [5, с. 49]. Вразумление к Гене-Самсону приходит в первый же день ухода из монастыря, его, отвергнутого возлюбленной, избивают её бывшие одноклассники. В монастырь он возвращается уже на полицейской машине.

От полноты сердца Самсон исповедуется отцу Авелю, признавая, что всё произошедшее с ним имеет причиной гордость и осуждение братии и что, возомнив себе счастье вне монастырских стен, он даже не представлял, насколько чужд жизни мирской.

Таким образом, в художественной литературе 2000–2020 гг. возобновляется интерес к личности священника, его образ осмысливается с различных позиций: во-первых, как добродетельный, во-вторых, как в целом положительный, но не всегда делающий добрые дела, сомневающийся, ищущий, в-третьих, как отрицательный. И если отрицательный тип встречается

достаточно редко, то тип переходный осмысливается в творчестве различных писателей, в том числе М. Кучерской, О. Николаевой. Священники-герои М. Кучерской (отец Антоний, иеродиакон Сергей), переживая трагедию, ощущают фатальность бытия и, как следствие, впадают в искушение. Герои О. Николаевой (игумен Авель, иеромонах Самсон и др.), даже пройдя через искушение, чувствуют радость бытия, присутствие Божие в своей жизни.

Источники

1. Кучерская, М. Химия «жду» / М. Кучерская // Кучерская М. Плач по уехавшей учительнице рисования и черчения. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 286 с.
2. Николаева, О. Кукс из рода серафимов / О. Николаева. – М. : Издательство храма святой мученицы Татианы, 2010. – 416 с.

Литература

3. Анкудинов, К. Прерванная вереница антиутопий / К. Анкудинов // Литературная газета. – 2017. – 11 окт.
4. Бойко, С. С. Книги для бессмертных. Теоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. / С. С. Бойко. – М., 2021. – 341 с.
5. Николаева, О. Прямая речь. Откровенно о главном / О. Николаева. – М. : Данилов мужской монастырь, 2015. – 160 с.
6. Что там, за картоном? : рецензия священника Александра Шрамко на «Картонное небо» Станислава Сенькина // LiveJournal : [сайт]. – URL: <https://kalakazo.livejournal.com/2245403.html> (дата обращения: 23.03.2023) – Текст: электронный.

7. Шишкова-Шипунова, С. Возвращение «батюшек» / С. Шишкова-Шипунова // Знамя. – 2008. – № 2.

A. N. Moldagaliev

THE IMAGE OF A TEMPTED MONK IN MODERN LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF THE WORKS OF O. NIKOLAEVA AND M. KUCHERSKAYA)

Abstract: This article examines the image of a monk in the texts of modern Orthodox authors O. Nikolaeva and M. Kucherskaya. Based on the opinions available in the Church, on literary studies, we come to the conclusion that over the past two decades there has been renewed interest in the topic of the life of Orthodox clergy, as a result, they can be conditionally attributed to three types (the righteous, the negative hero, the intermediate type – the tempted hero, facing a choice). The characters of O. Nikolaeva, M. Kucherskaya behave differently in similar circumstances, which, being conditioned by the religious worldview of the authors, determines the life outcome of each of them. The purpose of this study is to identify how the image of the tempted monk is represented in the texts of modern fiction.

Key words: literature, the image of a monk, temptation, fall, spiritual struggle, repentance, Maya Kucherskaya, Olesya Nikolaeva.

Sources

1. Kucherskaya M. Himija “zhdu” [Chemistry “I’m waiting”]. In *Plach po uehavshej uchitel’nice risovanija i cherchenija* [Crying for the departed teacher of Art and Drawing]. Moscow, 2016, 286 p. In Russian.

2. Nikolaeva O. Kuks iz roda serafimov [Kuks from the Seraphims]. Moscow, 2010, 416 p. In Russian.

Literature

3. Ankudinov K. Prervannaja verenica antiutopij [The interrupted string of dystopias]. In *Literaturnaja gazeta* [The literary newspaper]. 2017, October 11. In Russian.

4. Boyko S. S. Knigi dlja bessmertnyh. Teocentrichnaja proza pravoslavnyh pisatelej XX–XXI vv. [Books for immortals. Theocentric prose of Orthodox writers of the 20th –21st centuries]. Moscow, 2021, 341 p. In Russian.

5. Nikolaeva O. Prjamaja rech'. Otkrovenno o glavnom [Direct speech. Frankly about the main thing]. Moscow, 2015, 160 p. In Russian.

6. Chto tam, za kartonom?: recenzija svjashhennika Aleksandra Shramko na «Kartonnoe nebo» Stanislava Sen'kina [What's behind the cardboard? Review of priest Alexander Shramko on "Cardboard Sky" by Stanislav Senkin]. [Electronic resource]. Mode of access: <https://kalakazo.livejournal.com/2245403.html> (accessed: 23.03.2023). In Russian.

7. Shishkova-Shipunova, S. Vozvrashhenie «batjushek» [The return of the "fathers"]. In *Znamja* [Banner]. 2008, No. 2. In Russian.